

Конец недели настал. Ронина забрал из общежития профессор Эспинелла и отвёз на повозке, ожидающей у ворот Академии. "Куда мы едем, профессор?" – спросил он, усаживаясь на сиденье. "К дому Ректора. Недалеко отсюда, просто дорога... опасная для пешеходов. Хе-хе..." – ответил Эспинелла, с трудом сдерживая нервный смешок. Ронин недоумевал, что же его ожидает, когда повозка въехала в густой лес, простирающийся за стенами Академии. Мало кто забирался в эти края. Он всегда гадал, почему – может, там водятся дикие звери? Но он ошибался. Это были не звери. Из земли торчали толстые колючие ветви, как шипы, а повозку окутал защитный купол, вероятно, магический щит, сделанный водителем. Помимо веток, вокруг росли растения, похожие на венерину мухоловку. Они щелкали по карете Ронина, некоторые брызгали кислотой или ядовитым газом. Он не пугался, скорее был поражён. И задумался: Какой же параноик живёт в лесу, окружённом такими защитными растениями? Вскоре перед ними предстал особняк, опутанный колючими лианами, больше похожий на руины, чем на жилое помещение. Никто не поверил бы, что кто-то там живёт. Либо человек, закрывшийся там, отчаянно нуждался в уединении. Либо в этом доме хранилось слишком много для него значимых воспоминаний, чтобы оставить его, несмотря на разруху. Ронин склонялся ко второму варианту. Он спрыгнул с повозки, и профессор Эспинелла протянул ему руку. "Осторожно. Ректор наверху, он не может встретить нас внизу, так что придётся подняться к нему." Ронин кивнул. Ректор, наверное, лежал в постели, угасая, как этот дом. Теперь всё стало понятно, почему он не появляется в Академии. Но... Разве кто-нибудь не должен заменить его? Почему не назначат нового Ректора? Ответ на этот вопрос он получил, как только переступил порог дома. Дом был красив, но разрушен, и лианы проникали внутрь. Некоторые хищные растения сожрали мебель и предметы интерьера. Но некоторые рамки всё ещё стояли на месте. В них были картины. Множество картин, как будто охватывающих сотни и сотни лет. Ронин узнал одного человека на картинах. Этот мужчина... Он был основателем Академии. У него было Сердце Алмазная Скорлупа. "Ректор Примо Диамант." Их фамилия была такой же, как и имя Творческого Божества. Того, кто создал Маджецию, и всех, кто жил там, Небесных и Бездонных Богов, Людей и Монстров. На следующей картине, по всей видимости, был его сын. У него, в основном, была Алмазная Скорлупа, но Ронин заметил в нём примесь Рубинов. И далее, следовавшие за ним Ректоры постепенно теряли свою Алмазную наследие. Последние портреты, последние, похоже... Были семейные. На одной из них были изображены отец и мать. Ни у того, ни у другой не было Алмазного Сердца, отец был Моиссан.итом, а мать – Белым Сапфиром. Они выглядели как Алмазы, но Ронин знал лучше. Его острый глаз на камни не подводил его. Дети, должно быть, были результатом множества скрещиваний "алмазоподобных" Сердец. Возможно, потому что им больше не с кем было вступать в брак. "Этот мальчик..." – указал профессор Эспинелла, улыбаясь. "Это нынешний Ректор. Он за этой комнатой." "Что случилось с ним и его семьей?" "Катастрофа." – скрежетал зубами он. "Люди называли их мошенниками. Их дом не всегда был таким, эти растения появились из-за них." "Их отвергли только потому, что они не были "чистокровными"." Ронин увидел яркую картину в голове профессора Эспинелла. Три девочки. Играют с красивой женщиной, которая стирает бельё у реки и дует мыльные пузыри. У них всех были Сердца Пемза. Женщина была светлокожей, как обычная Пемза. А дети были темнокожими, как чёрный шпинель Эспинеллы, и тем не менее – Пемза. Пемза также известна как "пенистая" порода из-за своего пенного, пористого внешнего вида, и может использоваться в качестве скраба для ванны. Это также было Обычным Сердцем. Их связывали с Сердцами прачек, горничных и всех возможных дворников и уборщиков. Картина исчезла так же быстро, как и появилась. Благодаря этому образу... Ронин теперь лучше понимал этого таинственного Эспинеллу. Они вошли в дверь, избегая колючих кустов вокруг нее. Человек внутри был... почти как труп. Он также, казалось, был слеп, но не от рождения. Его глаза были ране.и, возможно, от колючек. "Добрый день, Ректор. Я привёл вам мальчика." Он медленно повернулся к Ронину, так болезненно медленно, что ленивец передвигался бы быстрее. Его ноги также были забинтованы, вся нижняя часть его тела, казалось, была парализована. Он также медленно улыбнулся, обнаруживая кривые

зубы с зелёными пятнами... Похожие на лианы у его кровати. Разве он жил в одиночестве, питаясь этими растениями? Запертый в своей постели? Ронин видел много жалкого состояния жизни, будучи системой. Но это... Это входит в Топ 20 самых жалких и отвратительных. "Дай мне потрогать его руку. Наш спаситель... Тот, кто изменит Академию навсегда, как предвидел мой предок Примо..." Ронин поднял бровь, не подходя к этому живому трупу. "У меня есть другое пророчество?" "Он... отличается от того, кого мы ожидали." Эспинелла с тревогой переминался с ноги на ногу. "Он не любит дотрагиваться... он очень сильно ненавидит это." Старик хихикнул, звуча скорее как хрипение. "Это не причина для него не быть нашим спасителем." Ронин сузил глаза. "Подождите, а в чём заключается это пророчество?" "Что было потеряно от Диаманта, то, что мы потеряли, когда он умер... Будет восстановлено." Старик улыбнулся. "Моя семья хранила это видение, это возвращение Алмазного Сердца. Плающее ярким пламенем." "Вы, мой мальчик, были бы очень счастливы, если бы вы действительно были тем, кто описан в пророчестве." Его мёртвые глаза, казалось, немного блестели, как мёртвые звёзды. "Герой, который нужен не только Академии, но и самой Маджеции." Ронин просто горько улыбнулся и покачал головой. "Вы ошиблись, сэр. Я не герой." Ректор нахмурился. "Что ты имеешь в виду, мой мальчик?" Профессор Эспинелла глубоко вдохнул, прежде чем сообщить новость: "Он не хочет быть Алмазным Сердцем, Ректор. Он настаивает на том, чтобы стать Обсидианом, Сердцем Демонов."

<http://tl.rulate.ru/book/87817/4211764>